



КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО



Проблемы, ожидания, перспективы



ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

Д.И. ДУБРОВСКИЙ

Давно уже почти ни у кого из мыслящих людей нет сомнений, что наша цивилизация переживает неуклонно углубляющийся глобальный кризис, ведущий, в конечном итоге, к ее деградации и гибели. Этот всеобщий глобальный кризис представляет собой кумулятивный эффект многих, так сказать, «частных» глобальных кризисов: экологического, энергетического, демографического и других, связанных с нарастанием социальных конфликтов, борьбы за ресурсы, обострением межгосударственных, межрегиональных, межконфессиональных, межэтнических конфликтов, в том числе в форме военных действий. При этом пока не видно никаких существенных, эффективных противодействий такому развитию глобальных процессов, никаких смысловых изменений в массовом сознании и ментальности мировых политических лидеров, погруженных с головой в текущие практические проблемы и борьбу за власть. Наша цивилизация продолжает все более ярко демонстрировать свои неизменные доминирующие ценности и цели: еще больше производить, чтобы еще больше потреблять и добиваться еще большего комфорта, большей корпоративной и личной власти над другими людьми и над природой путем бесконечных войн, социальных потрясений, борьбы за первенство в мировой политике и за эксклюзивное хищническое использование земных ресурсов. Эти неизменные ценностно-смысловые и целевые установки *укоренены в сознании человека*, в практическом массовом сознании, определяющем приоритетные цели и способы жизнедеятельности подавляющего числа людей, населяющих нашу планету. Этот аспект глобальных проблем и глобального кризиса нельзя затушевывать, как это нередко наблюдается, он должен быть ясно осмыслен, ибо связан с *главным вопросом проблемы сознания*, самым острым и самым важным для нашего времени.

Земная цивилизация в цейтноте. Многочисленные научные исследования, в том числе основательные математические модели (например, модель Панова – Снукса) показывают, что уже к середине века наша цивилизация подойдет к глобальной бифуркации, сингулярному рубежу, за которым либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый этап развития. Но такой переход предполагает радикальные

ценностно-смысловые изменения человеческой жизнедеятельности, принципиально новую экзистенциальную перспективу развития сознания. Если этого не произойдет, нас ждет антропологическая катастрофа.

Можно ли считать реальной возможность такого преобразования сознания? Вот в чем главный вопрос. Пока на него нет обоснованного ответа. Но невозможно согласиться, что наш разум исчерпал свои творческие силы и движется к суициду.

Наши знания о сознании, выработанные обыденным опытом, развитием науки и социальной практики, весьма обширны. Мы хорошо знаем, что оно, выражая наши желания, оценки, цели, волевые качества, определяет наши поступки, планы, виды и способы социальной деятельности. Знаем, что трудно изменить свои пристрастия, глубинные желания, ценностные установки, привычные способы действий. Более того, мы в большинстве случаев верно оцениваем те наши мысли, стремления и действия, которые недопустимы с точки зрения нравственности, общественных норм и интересов. Но слишком часто не можем их перебороть – в точном соответствии с древнеримской поговоркой: «Вижу лучшее и одобряю, но следую худшему». Наконец, нам известны основные детерминанты сознания – все то, от чего зависит сознание и что способно вызывать его изменения: физические, химические, биологические, физиологические, социальные факторы (включая психологические и технологические).

Исторический, научный и личный опыт показывает, что именно они определяют существование сознания и выступают средствами его изменений. Но каких изменений? Нас интересуют фундаментальные свойства сознания, прежде всего те его свойства, которые определяют негативные векторы развития человечества. Возможно ли изменение именно этих свойств?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо уточнить понятие сознания. Обычно выделяют индивидуальное и массовое сознание, а также общественное сознание, которое объективировано в социальной памяти, в нормах и формах культуры. Содержание общественного сознания в тех или иных отношениях необходимо представлено в индивидуальном сознании, составляет его ценностно-смысловое ядро. Выделяют также национальное, групповое, институциональное сознание и некоторые другие его виды, относимые к определенным социальным общностям. Для наших целей важно общее понятие сознания, характеризующее свойства всякого отдельного человека и всякой социальной общности, в особенности же – массовое сознание, поскольку оно как раз и определяет столь опасную направленность развития земной цивилизации.

Когда выше шла речь о тех негативных свойствах сознания, которые предопределяют массовую деятельность, ведущую к глобальной бифуркации и возможной антропологической катастрофе, то имелись в виду такие стойкие свойства сознания, как *неуемная потребительская*

интенция, агрессивность к себе подобным и чрезмерная эгоистическая устремленность. Именно эти свойства сознания надо изменить, чтобы избежать трагического финала.

Дело в том, что они глубоко укоренены в природе человека, которая за обозримый период истории практически не изменилась. Эти свойства сознания воспроизводятся во все исторические эпохи, у всех народов, при всех государственных и общественных устройствах. Мы ясно обнаруживаем их в том или ином виде на любом этапе земной цивилизации. Об этом свидетельствуют описания людей древних времен — Египта, Месопотамии, Греции, Рима. Почитайте книгу о людях города Ура, живших более четырех тысячелетий тому назад¹ — вы найдете там образы многих ваших знакомых. Или возьмите «Характеры» Теофраста — прошло почти две с половиной тысячи лет, но люди мало в чем изменились: все те же человеческие типы и те же формы поведения, общения, борьбы и защиты интересов. Примерно та же картина в «Историях» Тита Ливия, у Тацита, Светония, Плутарха. Вот, к примеру, одна цитата: «Людей охватила такая страсть к наживе, что, по-видимому, они больше находятся под властью своего имущества, чем сами владеют им». Знакомо, не правда ли? Но это пишет о Риме начала нашей эры Плиний-младший². Материалы о названных негативных свойствах, укорененных в человеческой природе, необъятны. Хотелось бы назвать еще хотя бы таких великих человековедов, как Макиавелли с его «Историей Флоренции», Монтеня, Гегеля, Ницше, вспомнить образы великой русской литературы, особенно у Пушкина, Толстого, Чехова. Эти сюжеты подробно и по возможности систематично рассматривались мной в специальной работе³. Но если названные негативные свойства природы человека воспроизводятся у всех народов во все эпохи, если они инвариантны по отношению ко всем социальным устройствам, то это означает их биологическую, генетическую обусловленность. С этим и связана их исключительная устойчивость. На этот счет нельзя строить себе иллюзий, если мы ставим задачу их преодоления.

Более того, биологически обусловлена и *фундаментальная асимметрия в познавательной и преобразующей деятельности* человека, суть которой в том, что подавляющая по своему масштабу активность человека направлена во внешний мир при сравнительно мизерных масштабах и результатах самопознания и самопреобразования (несмотря на то, что задача самопознания, как самая важная для человека, ставилась со времен Сократа и ранее). Лишь в последние десятилетия, благодаря успехам генетики, нейронауки, когнитивных исследований, наметился некоторый рост вектора самопознания и самопреобразования. Между тем нетрудно показать глубокую зависимость от уровня самопознания и самопреобразования человека целей и результатов его активности, направленной во внешний мир (неподлинность и даже злокачественность многих этих целей и результатов очевидна).

У животных активность почти целиком направлена во внешний мир, что определяется генетической программой, задачами приспособления к среде и выживания. Но у них все проявления внешней активности хорошо скоррелированы с достаточными для них способами самоотображения и самовоздействия (отображения собственной телесности и состояния организма, его потребностей, управления органами движения и т.п.). Потребности животных стабильны, энергетика их воздействия на внешнюю среду минимальна, практически не меняется, она не разрушает экосистему, а, наоборот, поддерживает ее самоорганизацию.

У человека же взаимодействие со средой коренным образом изменилось. Быстрый рост производственной деятельности вызывал аналогичный рост потребностей. В итоге сложился столь знакомый параноидальный круг: еще больше производить, чтобы еще больше потреблять, чтобы еще больше производить и т.д. Из него нет выхода. Все более мощные энергетические и механические воздействия на внешнюю среду ведут к разрушению экологической системы и самих физических условий жизни на Земле. Эта необузданная экспансия во внешнюю среду — тоже ведь наше биологическое наследие, парадоксально утратившее свой первоначальный эволюционный смысл. Будучи социальным существом, *человек продолжает действовать как животное*. Такая доминирующая направленность деятельности, укорененная в сознании, отчетливо сочетается, выражается, подкрепляется теми негативными свойствами сознания, о которых говорилось выше.

Природе человека присущи и альтруистические свойства. Они также вырабатывались в ходе биологической эволюции и играли важную роль в выживании и развитии человека. Это нашло основательное освещение и обоснование в классической работе В.П. Эфроимсона «Родословная альтруизма», опубликованной впервые в журнале «Новый мир» в 1971 г. и положившей начало новому направлению в науке — социобиологии⁴. Природу человека называют биосоциальной, но это не должно умалять ясного понимания биологической основы психики и сознания. Недвусмысленного признания этого до сих пор «стесняются» некоторые философы и психологи, игнорируя печальный исторический опыт колоссальных религиозных, идеологических и социальных усилий, направленных на изменение, «переделку» природы человека. Вся история человечества — цепь непрерывных войн, поражений альтруизма, краха всех коммунистических проектов, в том числе проекта государственного масштаба в СССР. Мы видим, как по мере роста благосостояния человечества, не ослабевают, а все более усиливаются потребительские, эгоистические и агрессивные интенции, преобладающие в массовом сознании. Мы видим, как по мере угрожающего нарастания глобальных проблем и их конвергенции, создающей мощный кумулятивный диссонанс, в сознании политической и большей части интеллектуальной элиты формируются все более изощренные формы утешительного са-

мообмана, вытеснения и профанации этой нарастающей угрозы. Нечто подобное происходит и в массовом сознании, которое, впрочем, время от времени вдруг охватывает поветрие «конца света», даже с назначенным сроком, как было недавно; но срок проходит, все мы живы, все идет дальше тем же путем; носители массового сознания (к которым, кстати, принадлежит большинство представителей экономической, политической и всякой иной, даже научной, элиты) сохраняют и развивают дальше свой привычный образ жизни и деятельности, приближающий антропологическую катастрофу.

Правда, как отмечают исследователи, в массовом сознании сейчас постоянно живет некая скрытая тревога, вызванная недоверием к будущему; отсюда устремленность жить «здесь и сейчас», не откладывая ничего на завтра, рвение потреблять «сейчас» все больше предметной новизны, удовольствий и комфорта.

Отображение и осмысление будущего требуют специальной рефлексии. А это всегда операции индивидуального сознания, результаты которых могут в отдельных случаях повлиять на групповое, институциональное и массовое сознание, способны внести вклад в содержание общественного сознания. Во всяком случае, первоисточником изменения сознания во всех его формах всегда служит индивидуальное сознание.

Что означает изменение сознания, кто именно и как совершает это (независимо от масштаба изменения)? Хотя в общих чертах это понятно, желательно сделать небольшие уточнения. Изменение сознания — это прежде всего изменение его наличного «содержания»: возникновение нового знания о внешней действительности и человеке, переоценка некоторых наличных знаний, обнаружение обмана, изменение потребностей, интересов, убеждений и символов веры, включая эстетические вкусы, нравственные установки, религиозные и политические убеждения, иногда это крутые перемены мировоззренческого характера. Сюда же следует отнести изменения творческих и волевых качеств, приоритетных целей деятельности, возникновение настойчивого стремления личности изменить некоторые свои нежелательные свойства. Этот приблизительный перечень изменений «содержания» сознания постоянно совершается и в историческом, и в биографическом контекстах. Они иницируются и реализуются путем действий отдельных личностей, организованных групп, общественных и государственных институций в соответствии с их интересами. Как известно, в этих процессах роль отдельной личности может быть определяющей. Все это общеизвестно. Но заметьте, все названные перемены и им подобные, колоссальные изменения в «содержании» сознания, происшедшие за тысячелетия существования человечества и в ускоренном темпе происходящие сейчас, практически не затрагивают тех глубинных диспозиционных свойств сознания, которые, собственно и определяют гибельный вектор развития нашей цивилизации, а они в свою очередь не мешают всем этим

происходящим переменам в сознании. Здесь, как и в случае фундаментальной асимметрии в познавательной и преобразующей деятельности, обнаруживается некий биосоциальный парадокс. Мы видим к тому же полное бессилие в этом отношении всех религий и гуманистических идеологий, всех воспитательных мероприятий общества и государства.

Интересно, что так называемое восточное сознание, свойственное индийцам, китайцам, японцам и другим народам, декларирующее, казалось бы, высокие человеческие ценности миролюбия, общественного согласия и бережного отношения к природе, особенно же приоритет самопознания, не препятствует развитию у них западного образа жизни: еще больше производить, чтобы еще больше потреблять, и всего того, что из этого следует, тем самым не нарушая в главном магистральный путь развития нашей цивилизации.

Есть ли какие-то основания думать, что эти «нерушимые» негативные свойства сознания, укорененные в нашей биологической сущности можно все-таки изменить, перебороть? На мой взгляд, с некоторыми колебаниями на этот судьбоносный вопрос можно ответить утвердительно. Во всяком случае, мы должны всеми силами поддерживать такую уверенность. Ее подпитывает ряд фактов и теоретических соображений.

Во-первых, хорошо известно, что в человеческой популяции, даже в развитых странах с высоким потреблением, нередко встречаются люди, которые в силу своих генетических особенностей (и других личностных свойств) лишены этих негативных качеств сознания или обладают ими в весьма малой степени. Многим из нас, наверное, приходилось встречать таких людей исключительной доброты и душевной щедрости. Некоторые довольствуются самым минимальным потреблением и не чувствуют себя обделенными, ведут нормальную жизнь. Недавно Россию всколыхнул отказ выдающегося математика Григория Перельмана получить свою премию в миллион долларов. Многие его страстно убеждали: ну, возьми же, наконец, свой миллион, на что он, живущий на жалкие гроши со своей мамой, отвечал: «У меня все, что нужно, есть». Таких, как он, в России и в мире не мало. Несомненно, что подобные качества во многом обусловлены генетически. Образование, воспитание играют, конечно, очень важную роль. Но если нет алмаза, не из чего сделать бриллиант. В чем состоят такие генетические особенности? Если нам удастся это узнать, то, быть может, мы найдем пути решения проблемы.

С другой стороны, многочисленные исследования и факты жизни показывают, что сознание обладает очень большими возможностями самоорганизации, которые крайне слабо используются. Я имею в виду те случаи, когда человек, настойчиво работая над собой, развивая волю, добивается искоренения некоторых своих, казалось бы, непоправимых отрицательных свойств, например, избавляется от наркомании; тем самым он приобретает новые жизненно важные свойства, выходит на более высокий уровень саморегуляции, самоорганизации, психического управления.

В этом направлении возможно, по-видимому, успешное использование восточных медитативных практик для доступа к диспозициональным структурам потребностей, агрессивности или эгоизма. Не исключено использование для подобных целей методов вхождения в различные формы измененных состояний сознания. Наконец, обширный материал в этом плане дают психиатрия, психотерапия, психоневрология⁵. Несомненно, что в области психической саморегуляции и самоорганизации, психического управления таятся огромные неизведанные ресурсы.

Психическое управление представляет собой информационное управление, вид информационной причинности. Отличие информационной причинности от физической причинности состоит в том, что информация, будучи необходимо воплощенной в своем физическом носителе, является инвариантной по отношению к его определенным физическим свойствам. Одна и та же информация может быть воплощена в разных по своим физическим свойствам носителях, т.е. кодироваться по-разному. Поэтому в информационной причинности следствие определяется не физическими свойствами носителя, а именно информацией, на основе сложившейся определенной кодовой зависимости в развитии данной самоорганизующейся системы.

Как уже говорилось выше, психическое явление есть информация о чем-то, и оно воплощено в определенной мозговой нейродинамической системе. Здесь нас в первую очередь интересуют осознаваемые психические явления (явления субъективной реальности), которые выступают в качестве причин изменений в сфере сознания данного человека и его телесности, служат инициаторами и организаторами его действий. Переживаемое данным человеком в данном интервале определенное явление субъективной реальности и его мозговой нейродинамический носитель суть *одновременны и однопричинны*, неотделимы друг от друга (важное положение, обоснованное во многих моих работах в связи с задачей расшифровки мозговых кодов психических явлений)⁶.

Эта одновременность означает, что изменение в данный момент определенного явления моей субъективной реальности есть в то же время соответствующее изменение его нейродинамического носителя. Поскольку здесь нет места для анализа проблемы свободы воли, будем исходить из общепринятого положения, что человек способен совершать *произвольные действия*, – как физические, так и ментальные (т.е. в сфере своей субъективной реальности). Но это означает, что *произвольно управляя своими образами или мыслями, я управляю их нейродинамическими носителями, т.е. определенным классом собственных мозговых нейродинамических систем*. Эти процессы, как свидетельствует современная нейронаука, совершаются на уровне Эго-системы головного мозга (повторю: подсистемы головного мозга, ответственной за личностные свойства, за наше Я). Способность к произвольным действиям указывает на то, что Эго-система является самоорганизующейся системой (то же самое мы утверждаем

обычно о нашем Я). Управляя по своей воле, по своему желанию, намеренно своими мыслями и тем самым их мозговыми нейродинамическими системами, я могу через посредство последних управлять различными своими действиями и процессами в своем организме, включая мозг⁷. Известны многочисленные выдающиеся достижения психического, сознательного управления в излечении тяжелой болезни, в сокращении своих потребностей и совершенствовании нравственных качеств, в развитии воли, памяти, разных видов чувствительности, в образовании новых, оригинальных умений и способов деятельности. Йоги, например, достигли больших успехов в произвольном управлении вегетативными функциями (могут мысленно регулировать ритмы сердца и т.п.; впрочем, это могут делать сейчас на основе метода «биологической обратной связи» и обычные люди, прошедшие тренировку),

Все это указывает на принципиальную способность психического управления достигать генетического уровня и производить в нем определенные изменения. Новейшие исследования в молекулярной биологии и психогенетике убедительно показывают, что любое переживаемое психическое явление связано с экспрессией так называемых быстрых генов, т.е. вызывает белковые трансформации в соответствующих нейронах, синаптических связях и эффекторах разного уровня.

Ведущий российский нейрофизиолог К.В. Анохин подчеркивает, что «во время обучения экспрессия генов в мозге находится под когнитивным контролем, переходя из-под влияния только локальных и клеточных взаимодействий под контроль более высокого порядка — общемозговых систем, составляющих индивидуальный опыт организма»⁸.

Но если произвольные сознательные действия достигают генетического уровня, то они способны, в принципе, «достать» и те диспозиционные структуры сознания, которые ответственны за его стойкие негативные свойства, и добиваться их преобразования. Эта трудная задача индивидуального сознания требует наличия ценностной и веровательной интенции очень высокого ранга, больших творческих сил, создания мощного волевого напряжения, и потому ее решение доступно, скорее, лишь особо одаренным в этом отношении личностям. Такие индивидуальные достижения не раз бывали в истории; нечто подобное мы наблюдали у христианских аскетов, буддистских монахов, у представителей других конфессий; они известны и в мирской деятельности — у людей, захваченных сверхценной идеей, которой они служат нередко всю жизнь с маниакальным упорством, отказываясь от всевозможных материальных благ. Но опыт их индивидуальных достижений невозможно или крайне трудно передать множеству других людей. Здесь требуется научное решение, создание соответствующего метода. Надо, правда, отметить, что приверженность сверхценной идее и фанатически центрированное сознание становились время от времени в истории достоянием больших масс людей (религиозные движения,

революции), хотя служили совсем другим целям; к тому же лишь малая их часть достигала стойких перемен на диспозициональном уровне; через какое-то время у большинства наступало угасание сверхценной идеи и соответствующей активности.

Однако в этом направлении все же есть определенные перспективы исследования интересующих нас трех диспозициональных структур. Безусловно, они представляют собой некоторое глубинное системное образование в нейронной организации и процессах головного мозга, которое явно или неявно включено во многие виды деятельности животных и человека. Эти диспозициональные структуры выражают фундаментальные функции потребностей, защиты и способов успешного поведения живого существа. Эти функции совершенствовались, специализировались у разных видов, модифицировались в ходе эволюции, достигнув высокого развития у ближайших предков человека. Их наследие, как уже отмечалось, сохраняется и у нас, но в существенно преобразованной в ходе антропогенеза форме. У наших ближайших животных предков потребности стабильны, агрессивность к себе подобным выражена гораздо слабее и, как правило, не ведет к убийству, «эгоистические» интенции в основном более или менее уравновешены с «альтруистическими» (о чем много написано у этологов). У человека же помимо непрестанного роста потребностей, непомерно усиливаются агрессивные и эгоистические интенции, причем они направлены не только на других людей, социальные образования, но и на живую природу, а тем самым, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд, и на самого себя.

Можно думать, что биологическая эволюция человека все же продолжается. Но теперь она включает элементы сознательной самоорганизации, поддерживающие те регистры жизнедеятельности человека, которые способствуют его выживанию в новых условиях, и во все большей мере сочетается с процессами антропотехнологических преобразований, которые способны изменять характер потребностей, межличностных коммуникаций и экзистенциальные регистры сознания. Первостепенным фактором сознательной самоорганизации выступает научная и технологическая деятельность, направленная на изучение сознания и природы человека с целью их преобразования в соответствии с нынешними глобальными проблемами земной цивилизации.

Безусловно, надежду решить главную задачу в изучении сознания, добиться изменения его негативных свойств мы возлагаем, главным образом, на развитие науки и технологий, которое должно проходить под основательным социогуманитарным контролем. Мы отдаем себе отчет, что решение этой задачи — лишь один аспект проблемы самопреобразования человека, органически связанный со многими другими проблемами. Но выделение этого аспекта научного исследования и специальной технологической и социальной деятельности из всего контекста глобальных проблем, оправдано ключевой ролью сознания в развитии цивилизации.

Справедливо выделяют и другие ключевые звенья в ее развитии и соответствующие подходы к исследованию и деятельности. Но это не отменяет чрезвычайной актуальности проблемы сознания, концентрации на этом направлении необходимых интеллектуальных и материальных средств. Это проблема трансдисциплинарного масштаба, и она настоятельно требует осмысления стратегии организации и реализации ее разработки с учетом изучения того, что происходит в этом плане в крупнейших мировых научных центрах, где, как известно, ведется интенсивная разработка проблематики сознания, мозга, искусственного интеллекта.

Достаточно напомнить о недавно запущенной в США Национальной программе исследования мозга и сознания с бюджетом в три млрд долл. Аналогичные программы реализуются в Западной Европе, Японии и других странах. На этом фоне наше отставание очевидно. Практика «игры в догонялки» бессмысленна. Проблемное поле исследования сознания многомерно и весьма динамично; в нем постоянно назревают все новые и новые, еле просвечивающие вначале, возможности прорыва на новый, более высокий уровень знания и технологических решений, которые надо вовремя диагностировать. Необходимо срочно создать специальный государственный центр исследования сознания, объединив в нем лучших профессионалов из всего кластера НБИКС-конвергенции с целью формирования и интенсификации собственных оригинальных направлений исследований прорывного характера.

Усиливается впечатление, что руководство Российской академии наук и политическое руководство страны пока не отдают себе ясного отчета в первостепенном, жизненно важном значении научной разработки проблемы сознания. Ведь помимо всего прочего, это прежде всего касается обеспечения безопасности нашей страны, учитывая неуклонно нарастающие угрозы регионального и глобального масштаба. Среди них на первом месте сейчас – мировой терроризм, его хорошо организованные структуры в виде ИГИЛ и других джихадистских объединений, успевшие уже навязать западной цивилизации мировую войну нового типа – небывалую по своим средствам и методам. Вот где сейчас проявляется вся острота проблемы сознания и где особенно остро встает задача изменения его негативных свойств.

Среди них на первом плане – вопрос о нарастании агрессивности. Конрад Лоренц предупреждал, что рост внутривидовой агрессивности – главная угроза человечеству⁹. Эта угроза особенно резко олицетворяется в наши дни идеей Мирового Халифата. Энергетика и агрессивность этой идеологии охватывает сознание все более широких масс, ведет к возникновению и росту воинствующей активности все новых экстремистских групп, организаций, политических партий и даже отдельных государств. Не видно пока никаких реальных средств, способных хотя бы затормозить этот процесс. Пора говорить об этом твердо и ясно, без привычной «дипломатии» и трусливого «либераль-

ного» слюняйства, обращаясь прежде всего к тем здоровым и мощным силам в мусульманском мире, которые осуждают террор и отдают себе отчет в губительных последствиях войны за Мировой халифат, в том числе для них самих.

Но процесс зашел уже слишком далеко. Западная Европа с ее пресловутой «политкорректностью» и «правами человека», с ее самоубийственной миграционной политикой сдает одну позицию за другой и уже, провидимому, неизлечимо поражена метастазами исламского экстремизма. ИГИЛ ясно показал, что ждет тех, кто окажется под его пятой.

Воины джихада полны решимости, воли и веры в свои силы и в свою великую миссию. У них ясная цель — уничтожение «неверных», Мировой халифат! Они не раз доказывали, что не боятся смерти, готовы на все. Недалеко время, когда против нас выйдут тысячи живых бомб. И во много раз большее число тех, кто без бомбы, но просто с ножом. Как им противостоять? Вот вопрос, который ставит война нового типа. Это вопрос, повторю еще раз, из области проблемы сознания. И здесь он, к сожалению, стоит не в том смысле, чтобы преобразовать агрессивность в некое миролюбивое дружеское чувство, чего нам так хотелось бы, а в том, чтобы блокировать, решительно подавить агрессивность противника, не знающего компромиссов.

Здесь остается только одно: создание оружия защиты нового типа. Производство все более мощных и совершенных средств уничтожения живой силы и инфраструктуры противника само по себе уже не способно обеспечить решающего преимущества. Остро назрела необходимость *нового стратегического вектора в развитии военных технологий*, целью которых является воздействие на сознание, психику противника — подавление его агрессивности и воли. Такие средства, конечно, давно разрабатываются в США и некоторых других странах, а возможно и у нас (если мы в этом отношении сильно отстаем, то это серьезно угрожает нашей безопасности). В современной войне решающая роль остается за информационным оружием нового типа, связанного с прямым воздействием на сознание.

Таков сегодня один из самых важных практических вопросов проблемы сознания, требующий глубокого изучения феномена агрессивности. Потребительские и эгоистические интенции как бы передвигаются на второй план, хотя они остаются так или иначе тесно связанными с агрессивностью.

Феномен агрессивности подробно описан в философском, психологическом и психиатрическом планах. Значительны результаты нейронаучных исследований агрессивности, ее функционирования в сознательно-бессознательном контуре. Еще 50 лет тому назад выдающийся испанский нейрофизиолог Хосе Дельгадо продемонстрировал широкой публике яркий пример подавления агрессивности. Он изобрел так называемый стимосивер — нечто вроде чипа, который он вживил в опре-

деленную область гипоталамуса знаменитому быку Лучеро, известному своей особой свирепостью. Быка крайне разозлили и затем выпустили на арену, где спокойно стоял Дельгадо, держа в руках небольшой пульт. Бык яростно бросился на него, но Дельгадо нажал кнопку, и бык мгновенно остановился, постоял немного, как бы «задумавшись», и затем мирно потрусил вдоль арены, помахивая хвостиком. Это был один из первых результатов, показавших зависимость состояния агрессивности от функционирования определенных структур гипоталамуса, что характерно не только для животных, но и для человека.

Разумеется, речь не идет о вживлении чипов для достижения аналогичной цели; средство воздействия должно быть дистантным, информационным и способным производить коллективный эффект.

Особенно важны более основательные сведения о тех структурах головного мозга, прежде всего гипоталамуса, которые ответственны за агрессивное поведение, данные о роли серотонэргической системы в механизмах агрессии. Важно учитывать тот факт, что эта система активно ингибируется под влиянием повторного опыта (агрессивное поведение, проявленное раз, стремится быть проявленным вновь). Большое значение приобретают результаты нейрокриптологии, разработки различных нейроинтерфейсов, успехи информационных и когнитивных технологий. Сформирован достаточно определенный в научном смысле объект исследования и воздействия на него: агрессивность в индивидуальном и массовом сознании (я оставляю в стороне вопрос об агрессивности институциональных субъектов: государств, партий, различных организаций; это — особая тема, хотя и здесь все, в конечном итоге, определяется конкретными людьми, особенно лидерами).

Наряду с воинственной, непримиримой агрессивностью выделяются ее сравнительно мягкие формы, проявляющиеся в личных конкурентных отношениях и разных видах самоутверждения. Состояние агрессивности резко повышает энергетику, всегда является эмоционально насыщенным и целенаправленным. Этот феномен, как отмечают исследователи, выполняет важную функцию в процессах жизнедеятельности. Поэтому, если речь вообще идет о его устранении, изъятии из психической деятельности человека, то вместо него должны появиться в сознании замещающие его функциональные регистры. Другими словами, речь идет о кардинальной перестройке ценностно-смысловой и деятельно-волевой структуры сознания. Это касается в равной мере и потребительской интенции и чрезмерного эгоистического своеволия. Такая кардинальная перестройка сознания мыслима в трансгуманистической перспективе, с которой связывают переход цивилизации на качественно новый этап развития.

В нынешних условиях речь идет о подавлении, блокировке агрессии исламских экстремистов, как, впрочем, и всяких иных экстремистов, разрушающих элементарные нормы и формы социальной жизнедеятельности.

тельности. Их массовые действия — одно из проявлений глобального кризиса нашей цивилизации. Ведь, положив руку на сердце, мы должны признать, что война, навязанная исламскими экстремистами Западной цивилизации, является в ряде отношений прямой реакцией на ее образ жизни, в котором так много несправедливости, лицемерия, тупой сытости, безнравственности, обмана и других «прелестей». Они хотят учредить Мировой халифат и законы Шариата. Но ведь это — уничтожение миллионов «неверных», моря крови, попрание элементарных норм человечности, культуры, возврат к самым мрачным временам Средневековья. Допустить такой конец цивилизации немыслимо. Победа в этой войне, подавление агрессии джихадистов — неперемное условие спасения человечества, дальнейшего развития земной цивилизации и возможности выхода ее на более высокий уровень жизнедеятельности. Другого не дано.

В актах подавления агрессии в общем-то нет ничего принципиально нового. В истории человечества это всегда делали, используя воспитательные и принудительные средства. Жесткое подавление агрессии и злой воли вершителей джихада может иметь и некоторый общий гуманистический эффект. Создание новых действенных средств для этого — неотложная задача российских ученых в обеспечении безопасности нашей страны и успешной борьбы всех стран с этим мировым злом. В России есть достаточные интеллектуальные силы и технологические средства, чтобы при поддержке государства решить эту задачу. Тем самым будет внесен и существенный вклад в решение главного вопроса проблемы сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дьяконов И.М. Люди города Ура. — М.: Главная редакция восточной литературы, 1990.

² Письма Плиния младшего. — М., 1983. С. 173.

³ См.: Дубровский Д.И. Проблема совершенствования человека. Возможно ли это? // Дубровский Д.И. Обман: философско-психологический анализ. Изд. 2-е, доп. — М.: Канон+, 2010. Приложения. С. 275–333.

⁴ См.: Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика / под ред. Д.И. Дубровского и Е.А. Кешман. — М.: Русский мир, 1998. С. 435–466.

⁵ См.: Литвак Л.М. «Жизнь после смерти»: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / под. ред. и со вступ. ст. Д.И. Дубровского. — М.: Канон+, 2007; Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. — М.: Карьера Пресс, 2014.

⁶ Дубровский Д.И. Психические явления и мозг: Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. Гл. 5. — М.: Наука, 1971. Книга выставлена на моем сайте: www.dubrovsky.dialog21.ru В более развитой теоретической форме этот круг вопросов и предлагаемое их решение представлены в книге: Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. — М.: Канон+, 2015.

⁷ См. об этом подробнее: Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. С. 17–65; см. также: Дубровский Д.И. Явления со-

знания и мозг: к проблеме расшифровки их нейродинамических кодов. Доклад на научной сессии Общего собрания Российской академии наук «Мозг: Фундаментальные и прикладные проблемы» 15–16 декабря 2009 г. // Мозг: Фундаментальные и прикладные проблемы. По материалам Научной сессии Общего собрания Российской академии наук 15–16 декабря 2009 г. / под ред. академика А.И. Григорьева. – М.: Наука, 2010. С. 128–136.

⁸ Анохин К.В. Мозг и память: Биология следов прошедшего времени. Доклад на научной сессии Общего собрания Российской академии наук «Мозг: Фундаментальные и прикладные проблемы» 15–16 декабря 2009 г. // Мозг: Фундаментальные и прикладные проблемы. По материалам Научной сессии Общего собрания Российской академии наук 15–16 декабря 2009 г. С. 93–102.

⁹ См.: Лоренц К. Агрессия. – М.: Прогресс, 1994.

REFERENCES

Dubrovsky D.I. Problem of human perfection. Is it possible? In: Dubrovsky D.I. Deception: philosophical and psychological analysis. Moscow, Canon +, 2010, pp. 275-333 (in Russian).

Dubrovsky D.I. *The problem of «Mind-Brain»: The theoretical solution*. Moscow, Canon+, 2015. 208 p. (in Russian).

Efroimov V.P. Pedigree of altruism (Ethics from the standpoint of evolutionary human genetics). In: Efroimov V.P. Genius and genetics. Moscow, Russian World, 1998, pp. 435-466 (in Russian).

Letters of Pliny the Younger. Moscow, 1983. 410 p. (Russian trans.).

Lorenz K. Aggression. Moscow, Progress, 1994. 272 p. (Russian trans.).

Ramachandran V.S. *Brain says. What makes us human*. Moscow, Career Press, 2014. 422 p. (Russian trans.).

Аннотация

В статье рассматривается роль сознания в условиях углубления глобального кризиса нашей цивилизации. Выделяются негативные свойства массового сознания, которые способствуют этому: постоянно растущее потребление, агрессивность, чрезмерный эгоизм. Обсуждается возможность изменения этих негативных свойств в процессе антропотехнологической эволюции. Особую опасность представляет рост агрессивности, что проявляется в современных формах экстремизма, социальных конфликтов и военных действий. Ставится вопрос о возможности противодействия агрессивности путем использования средств информационных технологий.

Ключевые слова: сознание, цивилизация, глобальные проблемы, негативные свойства массового сознания, агрессивность, экстремизм, социальные конфликты, безопасность, информационная защита.

Summary

The article examines the role of consciousness in conditions of global crisis of our civilization. The negative qualities of the mass consciousness that contribute to this situation: the ever-increasing consumerism, aggression, excessive egoism stand out. The author discusses the possibility of changing these negative properties during anthropotechnological evolution. Especially dangerous is the aggressive growth that manifests itself in modern forms of extremism, social conflicts and hostilities. The author raises the question about the possibility of countering aggression by the use of information technology.

Keywords: consciousness, civilization, global problems, negative qualities of the mass consciousness, aggression, extremism, social conflicts, security, information protection.